

Самоопределяющие нарративы в развитии личности

Нуркова В. В.*,

ГБОУ ВПО «Московский психологический университет»; ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва, Россия,
Nourkova@mail.ru

Рассматривается роль нарративной идентичности в развитии личности, которое определяется как способность воплощения индивидуального проекта самосозидания вопреки ситуативной детерминации. В качестве структурно-функциональных единиц нарративной идентичности автором выделяются «самоопределяющие воспоминания», содержащие самооценку человека по значимым параметрам Я-концепции. Раскрывается процесс онтогенеза самоопределяющих воспоминаний через формирующие диалоги со взрослым, описываются параметры «разрабатывающего» и «повторяющего» стилей общения родителей с детьми по Р. Файвиш. Утверждается, что с точки зрения мотивации родителя в автобиографическом взаимодействии с ребенком дифференцируются «аутотелический» стиль, где для взрослого создание нарратива выступает автономной ценностью, и «прагматический» стиль, где цель взрослого – получение конкретной информации. Излагаются результаты авторского исследования 31 диады мать–ребенок, в котором выявлен новый существенный компонент родительско-детского взаимодействия – особые квази-конфликтные приемы, направленные на повышение самостоятельности ребенка в ходе диалога и, соответственно, на большую индивидуализацию его личности.

Ключевые слова: самоопределяющие воспоминания, нарративная идентичность, автобиографическая память, развитие личности.

Для цитаты:

Нуркова В. В. Самоопределяющие нарративы в развитии личности // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 19. № 4. С. 22–30.

¹ Семантически близким понятию «история жизни» является понятие «нарративная идентичность», определяемое Д. МакАдамсом как «рассказ о жизни, интернализированный рассказ о прошлом, настоящем и антиципируемом будущем, который сообщает жизни переживание целостности и осмысленности» [16, с. 137].

*Нуркова Вероника Валерьевна. Доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии, ГБОУ ВПО «Московский психологический университет»; профессор кафедры общей психологии факультета психологии, ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия. E-mail: Nourkova@mail.ru

Развитие личности можно понимать как становление способности активно конструировать свою деятельность в горизонте личных ценностей – действовать вопреки ограничениям ситуативной детерминации, опираясь в своих поступках на индивидуально значимое «там и тогда», произвольно игнорируя «здесь и сейчас». Иными словами, в жизни личностно зрелого человека доминирует стратегия планомерного воплощения самостоятельно сформулированного проекта самосозидания.

История жизни как источник проекта самосозидания личности

Наиболее продуктивной формой существования проекта личностного развития, согласно разрабатываемой нами концепции [1; 4], является история жизни, в которой интегрированы образы автобиографического прошлого, настоящего и будущего¹. На значимость создания истории жизни для продуктивного функционирования личности указывает Дж. Зингер: «Генерирование нарративов на основе пережитого опыта является центральной активностью в формировании идентичности... Создание и совершенствование нарративной идентичности – это проект развития жизни человека, никогда не завершающийся и всегда отвечающий конкретным вызовам и задачам каждого этапа жизненного цикла» [22, с. 570].

В отличие от абстрактного смысла жизни (например, «делать добро», «помогать людям» и т.п.), который зачастую является формальной декларацией далеких от жизненной практики человека тезисов, содержащийся в истории жизни нарративный смысл надежно связывает устойчивые характеристики личности и их проявление в реальной деятельности.

Формирование систематизированной истории жизни носит циклический характер и включает в себя три взаимосвязанных процесса. Во-первых, – это овладение идеальными культурными формами жизнеописания, к числу которых относятся «культурный концепт биографии» [11], «схема жизненной истории» [12], «культурный жизненный сценарий» [6]. Во-вторых, – это селекция доступных автобиографических воспоминаний на основе их релевантности культурным формам. Результатом такого отбора становится

корпус «воспоминаний истории жизни» (life story memories), которые потенциально могут входить в состав рассказа о себе [24]. Из коллекции отдельных воспоминаний и выстраивается диахронический автобиографический нарратив. В-третьих, – это интеграция разнородных компонентов автобиографической памяти (конкретные изолированные эпизоды прошлого – обобщенные воспоминания – жизненные темы и периоды) в целостную, концептуализированную, вербализованную систему автобиографии, высшим уровнем организации которой является индивидуальный концепт судьбы. Индивидуальный концепт судьбы, отражающий взаимопроникновение кристаллизованных социокультурных значений и индивидуально-личностных смыслов, уже гораздо труднее поддается «линейной», повествовательной вербализации. Наиболее адекватно и интегрированно концепт судьбы выражается в форме метафоры [1].

Д. МакАдамс предлагает анализировать описание историй жизни по критериям уровня субъектности (agency), связности, внутренней непротиворечивости, сюжетности, завершенности и эстетической привлекательности. По его мнению, позитивно развивающаяся история жизни должна демонстрировать тенденцию к планомерному наращиванию объема и смысловой насыщенности [16]. Т. Хабермас выделил четыре измерения для оценки уровня развития истории жизни: сценарную согласованность, временную согласованность, причинно-следственную согласованность и тематическую согласованность [13], и показал, что соответствующий социальному формату объемный и хорошо согласованный по временным, тематическим и каузальным показателям автобиографический нарратив связан с высоким уровнем психологического благополучия [14].

Самоопределяющие воспоминания

Структурно-функциональной единицей нарративной идентичности являются описания автобиографически значимых событий. Особую роль в процессе личностного развития играют «самоопределяющие воспоминания». Термин был предложен в начале 90-х гг. XX в. Дж. Зингером для обозначения нарративных

описаний эпизодов прошлого, отражающих субъективно значимые аспекты личности вспоминающего [21]. Автор выделил пять атрибутов самоопределяющего воспоминания:

- 1) перцептивная яркость;
- 2) эмоциональная насыщенность;
- 3) высокая частота воспроизведения;
- 4) согласованность с корпусом тематически близких воспоминаний;
- 5) сфокусированность на ведущей мотивации или нерешенной проблеме личности.

Он предложил оценивать их по четырем параметрам:

- специфичность;
- осмысленность;
- эмоциональность;
- содержание (релевантность темам отношений с другими людьми, достижений, досуга и смертности).

Позже Зингер использовал модель автобиографической памяти как самореференционной мнемической системы (Self-Memory System) М. Конвея для объяснения возникновения воспоминаний данного типа [8; 9]. Согласно данной модели, автобиографические воспоминания представляют собой ситуативный результат согласованной работы нескольких психологических структур. Часть из них относится к структурам памяти – семантической и эпизодической, в то время как другие представляют личностное измерение психики человека – «Рабочее Я» (working self) и «Долговременное Я» (long-term self). Структура «Рабочего Я» состоит из актуальных в данный момент мотивов и целей. «Долговременное Я» содержит две подструктуры – «Базу автобиографических знаний» и «Концептуальное Я», т.е. представление о своих качествах и свойствах, которое по происхождению является результатом обобщения содержания базы автобиографических знаний, но может использоваться достаточно автономно. Конкретные автобиографические воспоминания конструируются по «двойному» запросу от «Рабочего Я» к структурам эпизодической памяти и «Долговременного Я». В результате в сознании человека возникает воспоминание, в котором содержание, идущее от «Долговременного Я», насыщается образностью эпизодических воспоминаний. Из моде-

ли Конвея следует, что конкретное содержание автобиографических воспоминаний зависит от преимущественной ориентации при воспроизведении на мотивацию «адаптивно-го соответствия» (гибкого приспособления к текущей ситуации и постановкой соответствующих целей) или «самосогласованности» (сохранения целостности и преемственности своей личности, выходящей за пределы текущей ситуации). В первом случае будут актуализироваться «фотографические воспоминания», наполненные яркой образностью, и конгруэнтные ситуации, во втором – «самоопределяющие», через которые удерживается связь «Рабочего Я» с «Долговременным Я».

М. Пасупати [20] предложила классификацию вариантов связи «Концептуального Я» с содержанием самоопределяющих воспоминаний, которые могут быть направлены на то, чтобы: 1) *проиллюстрировать* какое-либо из самооценочно значимых свойств личности (explain); 2) *объяснить причину* личностного изменения (cause); 3) конкретизировать самописание через *отрицание* какого-либо свойства (dismissal); 4) раскрыть неизвестные самому себе характеристики (reveal).

Полученные нами данные [2] позволяют выделить ряд особенностей самоопределяющих воспоминаний, обусловленных их ролью связующего звена между системой автобиографических знаний и их событийным основанием. При воспоминаниях этого типа эпизод выступает скорее в качестве метафоры личности, чем в качестве отсылки к конкретному событию прошлого, поэтому перцептивный материал преобразуется символически в соответствии с содержанием Я-концепции. Событие приобретает смысл как презентация сути личности. Субъективная достоверность картины события – результат «монтажа» в момент актуализации. Нарратив строится на описании своих личностных особенностей в их соотношении с событием, при этом экспрессируется эмоция, отражающая переживание самоидентичности: «Это Я!». Предметом эмоционально-смыслового отношения выступают желаемые или отвергаемые психологические свойства субъекта. Наблюдается личностная ассоциированность с мнемическим образом, привнесенная интерпретацией –

«вторичное» слияние с собой в прошлом («В этом эпизоде – весь Я»).

Онтогенез самоопределяющего нарратива

У взрослого человека личность и автобиографическая память безусловно представляют собой две, хотя и тесно взаимосвязанные, но автономные системы. Однако в онтогенезе развитие автобиографической памяти предшествует выстраиванию единой структуры личности – ее самоидентичности², Я-концепции и самооценки. Наиболее ранней формой автобиографической мнемической функции является разделенная со взрослым беседа о жизненном случае, содержательные и формальные характеристики которой впоследствии преобразуются в структуру индивидуальной автобиографической памяти, что, в свою очередь, служит своеобразной матрицей для развития личности с конгруэнтными ей свойствами [3]. Интересно, что предварительное фокусирование внимания на личностных качествах провоцирует более детальные воспоминания уже у трехлетних детей [25]. Р. Файвиш были выделены противоположные стили общения родителей с детьми по поводу автобиографического материала – разрабатывающий (*elaborative*) и повторяющий (*repetitive*) [10]. Критериями различения стилей является степень присутствия в совместно порождаемых ребенком и родителем текстах таких признаков как: а) специальные вопросы, включающие вопросительные слова (так называемые *wh-questions*); реплики с открытым концом; слова, выражающие заинтересованность в беседе; подсказки; дополнительная контекстуальная информация (полюс разрабатывающего стиля) и б) подтверждающие реплики, повторения, оценивающие высказывания (полюс повторяющего стиля) [15]. Преобладание компонентов разрабатывающего стиля в семье связано с формированием более автономной индивидуалистической личности, в то время как преобладание повторяющего стиля – с формированием лично-

сти, ориентированной на социальные связи и коллективизм [7]. В наших исследованиях при анализе мотивации родителя в автобиографическом взаимодействии с ребенком выделены близкие по феноменологическому наполнению категории *аутотелического стиля*, где для взрослого создание нарратива выступает автономной ценностью, коммуникативной ситуацией с высоким позитивным эмоциональным потенциалом, и *прагматического стиля*, где взрослый вступает в контакт с ребенком для получения конкретной информации [2].

Нами был выявлен новый существенный компонент родительско-детского взаимодействия, оказывающий влияние как на развитие автобиографической памяти, так и на развитие личности – особые квази-конфликтные приемы, направленные на повышение самостоятельности ребенка в ходе диалога и, соответственно, на большую индивидуализацию его личности [19]. В исследовании участвовала 31 семейная диада, включающая ребенка (средний возраст 6,3 (1,6)) и его мать (средний возраст 31,2 (7,2)). С каждой диадой были проведены две встречи с интервалом 6–11 дней. Во время первой встречи матери предлагалось обсудить в диалоге с ребенком произвольно выбранный совместно пережитый случай прошлого. Во время второй встречи ребенок вспоминал об аналогичном случае самостоятельно в форме монолога. В дополнение к описанным выше компонентам диалогов мы анализировали «провокационные» утверждения матерей (заведомо ложные утверждения); выражения несогласия с утверждением матери; мета-когнитивные утверждения, относящиеся к общим знаниям или обстоятельствам за пределами описываемой ситуации. При кодировке монологов детей нас интересовало количество оригинальных по сравнению с диалогом слов при воспоминании и факты включения новых, не присутствовавших в диалогах содержательных фрагментов. Была обнаружена высокая негативная корреляция между наличием оригинальных фрагментов в мнемическом моноло-

²В понятие «самоидентичность» нами фиксируется целостное переживание разновременного тождества личности, производной от которого является описание системы значимых для личности свойств (Я-концепция) и степени их выраженности (самооценка).

ге ребенка и количеством подтверждающих реплик матери в диалоге ($R = -0,39, p < 0,05$). Аналогичная негативная связь была выявлена между мета-когнитивными суждениями ребенка в монологе и количеством повторений со стороны родителя ($R = -0,59, p < 0,01$). В то же время тенденция включать в диалог с ребенком подтверждающие реплики и повторы своих реплик и реплик ребенка высоко коррелируют между собой ($R = 0,71, p < 0,01$). Наиболее интересным нам представляется тот факт, что стратегия «квази-конфликта» на стадии создания совместного воспоминания качественно преобразует монолог ребенка. Дети из таких диад в 63% случаев при самостоятельном рассказе генерируют больший объем вербальной продукции, чем в диалоге ($t = 3,605(11), p < 0,05$). В то время, как монологи остальных детей всегда короче, чем их речевой вклад в диалог с родителем. Дети из «квази-конфликтных» диад демонстрируют также оригинальный лексикон в самостоятельном воспоминании в отличие от тенденции к копированию лексики родителя у других участников исследования ($t = 3,048, p < 0,01$).

Приведем пример одного из диалогов с высоким индексом «квази-конфликта», по критериям К. Нельсон и Р. Файвиш [18], относящийся к разрабатываемому стилю взаимодействия.

ВОСПОМИНАНИЕ О ГОСПИТАЛИЗАЦИИ

Катя (5,2 года), Марина (36 лет). Компоненты квази-конфликта подчеркнуты.

Марина: «Помнишь, как ты была в больнице? Расскажи, как это было».

Катя: «Когда? Когда я совсем маленькой была?»

М: «Ну как ты в больнице была. Дома ты упала. С Ксюшей когда были...».

К: «Не помню».

М: «Вы пришли из сада и...».

К: «...и я залезла на стул».

М: «По-моему, на маленькую скамеечку».

К: «Нет, на стул».

М: «И ты упала... А что потом?»

К: «Ты пришла».

М: «А почему я пришла?»

К: «Потому что тебе Ксюша позвонила».

М: «Ну, что дальше? Вы на метро поехали?»

К: «Нет, ты на метро, а мы на машине».

М: «А ты откуда знаешь, что я на метро?»

К: «Ты мне сама говорила».

М: «Да, в скорой помощи. С кем ты там была?»

К: «С Ксюшей, а ты одна».

М: «А что в больнице было?»

К: «Не помню».

М: «Катя, ты там с кем была?»

К: «С Ксюшей».

М: «А говоришь, что не помнишь! Ведь помнишь, что ты там с Ксюшей была. Там много взрослых или детей?»

К: «Я познакомилась с девочкой».

М: «Как ее звали?»

К: «Ну мама, это было год назад, я не помню половину».

М: «Хорошо, а как ты там спала? Вспомни, пожалуйста».

К: «На одной маленькой кроватке. Знаешь, на такой, где малыши спят. На высокой такой».

М: «Ты все время лежала там?»

К: «Не могут же люди только лежать и лежать...».

М: «Нет, ну почему, могут, если они очень больны. А вот ты как? Ты-то лежала там?»

К: «Не лежала. Только ночью».

В приведенном диалоге легко выделить активные, формирующие автобиографическую память ребенка действия взрослого: стимуляцию воспоминания как значимого, введение воспоминания в более широкий семантический контекст («бывает, если люди очень больны»), провоцирующие высказывания, которые активизируют выстраивание автономного от взрослого воспоминания. Подчеркнем, что девочка в данном диалоге не является реактивным реципиентом готового текста, она самостоятельно датирует событие («это было год назад»), осуществляет метакогнитивную оценку своей мнемической способности («я не помню половину»), апеллирует к сложившейся у нее системе знаний о мире («не могут же люди только лежать и лежать...»), реконструирует недоступные непосредственному восприятию аспекты прошлой ситуации («я была с Ксюшей, а ты одна»),

устанавливает источник получения информации («Ты мне сама говорила»). И, что кажется нам крайне существенным, оппонирует взрослому, отстаивая свое видение ситуации прошлого («Нет, на стул», «Нет, ты на метро, а мы на машине», «Не лежала»).

Таким образом, в нашем исследовании убедительно показано, что дети родителей с «разрабатывающим» стилем автобиографического взаимодействия, включающего умеренный компонент «квази-конфликта», обнаруживают более высокую «автобиографическую компетентность», что проявилось как в высоких показателях развития автобиографического рассказа, так и в установлении источника воспоминания, т. е. в лучшем разделении фантазийного, артефактного (услышанное от других) и реалистичного компонентов воспоминания, что является показателем уровня развития автобиографической памяти как высшей психической функции.

В целом, относительно развития самоопределяющих воспоминаний складывается достаточно парадоксальная ситуация. Если у взрослого корпус данных воспоминаний невелик, то для ребенка практически любое воспоминание, включенное в нарративное взаимодействие со взрослым, исполняет роль самоопределяющего, так как через интериоризацию параметров самооценки, включенных в автобиографических рассказ, впоследствии формируется система координат личности и нарративная идентичность.

Самоопределяющие воспоминания как медиатор целеполагания

А. Сутин и В. Робинсон предложена и эмпирически обоснована модель, согласно которой личностные свойства человека обуславливают особенности его целеполагания не напрямую, а опосредованно, путем обращения субъекта к самоопределяющим воспоминаниям [23]. В исследовании приняло участие 300 испытуемых-студентов, предварительно прошедших процедуру диагностики личностных черт. Им была предложена следующая инструкция: «Опишите значимое для вас воспоминание. Оно может быть как позитивным, так и негативным, но должно сообщать о наиболее важном опыте, который помог вам понять

кто вы и какова ваша идентичность. Это должно быть такое воспоминание, о котором вы многократно думали и которое важно для вас и сейчас, когда вы рассказываете о нем» [23, с. 649]. Затем воспоминание оценивалось испытуемыми по 5-балльной шкале по степени присутствия в нем различных эмоций и трех мотивационных тенденций: мотивации достижения, мотивации власти и мотивации аффилиации. Оценивание производилось также и экспертами. Спустя два месяца испытуемых просили записать 10 наиболее актуальных для них личных стремлений.

Математическое моделирование позволило убедительно показать, что выявляемые опросниками личностные черты определяют сюжетные и эмоциональные особенности самоопределяющих воспоминаний и их доступность для осознания, а уже те, в свою очередь, служат источником целеполагания. Так, при высокой самооценке генерируются самоопределяющие воспоминания, насыщенные позитивными эмоциями и тематикой, релевантной мотивации достижения. Эти испытуемые отсроченно демонстрировали высокую приверженность своим жизненным стремлениям, их согласованность и оптимистичную оценку вероятности их реализации. При высоком уровне нарциссизма, наоборот, в качестве самоопределяющих продуцируются воспоминания, негативные по эмоциональному содержанию и связанные с мотивацией власти и контроля. Сфера жизненных стремлений у этих испытуемых характеризовалась внутренней конфликтностью и пессимистическим прогнозом.

Таким образом, становление способности целеполагать и действовать в перспективе жизненных задач, что в указанном выше смысле синонимично для нас ведущей линии развития личности, тесно связано с уровнем функционирования самоопределяющих воспоминаний.

Заключение

В антропогенезе сложилась специфическая функциональная психологическая система – автобиографическая память личности, которая, в первую очередь, в осознаваемой нарративной форме является субстратом развития единой структуры личности – ее само-

идентичности, Я-концепции и самооценки [5]. Особую роль в процессе личностного развития играют «самоопределяющие воспоминания», в которых фиксируется самооценка по значимым параметрам Я-концепции. Формирование корпуса самоопределяющих воспоминаний в дошкольном и младшем школьном возрасте происходит в диалоге со взрослым, где культивируется схема определения себя через селективно представленный прошлый опыт. Старшие подростки успешно эксплицируют параметры своей Я-концепции и оценивают себя по индивидуально значимому набору свойств, объясняя эти оценки с помощью самоопределяющих нарративов [5; 17]. Отвечая на вопрос

«Какой я?», они апеллируют к случаям из прошлого, в которых им удалось проявить те или иные важные для них качества.

Устойчивость совокупности самоопределяющих воспоминаний необходима человеку для поддержания диахронической тождественности личности. Однако в некоторых случаях ригидность автобиографической «базы данных» может ограничивать развитие личности. При этом взрослый человек – не заложник своей памяти. Решение задачи на смысл самоопределяющих воспоминаний и целенаправленная активность по их изменению могут стать источником самосозидания своей личности [4].

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 12-06-33049.

Литература

1. Нуркова В.В. Сверхценное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: УРАО, 2000. 320 с.
2. Нуркова В.В. Культурно-исторический подход к автобиографической памяти. Дис. ... докт. психол. наук. М., 2009. 661 с.
3. Нуркова В.В., Масолова Г.Ю. Характеристики воспоминаний о детстве и психологический облик взрослого [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2009. № 4. URL: http://psyedu.ru/journal/2009/4/Nurkova_Masolova.phtml (дата обращения: 16.03.2014).
4. Нуркова В. Рассказывать о себе, рассказывать себя, рассказывать собой: автобиографический нарратив с позиций культурно-деятельностного подхода // Развитие личности. 2010. № 1. С. 74–92.
5. Alyusheva A.R., Nourkova V.V. Identity formation and autobiographical memory: Two interrelated concepts of development // World Academy of Science, Engineering and Technology. 2012. Vol. 66. P. 285–288.
6. Berntsen D., Rubin D.C. Cultural life scripts structure recall from autobiographical memory // Memory and Cognition. 2004. Vol. 32. P. 427–443.
7. Cleveland E.S., Reese E. Maternal structure and autonomy support in conversations about the past: Contributions to children's autobiographical memory // Developmental Psychology. 2005. Vol. 41(2). P. 376–388.
8. Conway M.A. Memory and the Self // Journal of Memory and Language. 2005. Vol. 53 (4). P. 594–628.
9. Conway M.A., Singer J.A., Tagini A. The self and autobiographical memory: Correspondence and coherence // Social Cognition. 2004. Vol. 22. P. 495–537.
10. Fivush R., Haden A.H., Reese E. Elaborating on elaborations: Role of maternal reminiscing style in cognitive and socioemotional development // Child Development. 2006. Vol. 77(6). P. 1568–1588.
11. Habermas T. How to tell a life: The development of the cultural concept of biography across the lifespan // Journal of Cognition and Development. 2007. Vol. 8. P. 1–31.
12. Habermas T., Bluck S. The Life Story Schema // Motivation and Emotion. 2000. Vol. 24, № 2. P. 121–147.
13. Habermas T., de Silveira C. The development of global coherence in life narratives across adolescence: Temporal, causal, and thematic aspects // Developmental Psychology. 2008. Vol. 44. P. 707–721.
14. Habermas T., Köber C. Autobiographical reasoning is constitutive for narrative identity: The role of the life story for personal continuity // The Oxford handbook of identity development / K.C. McLean, M. Syed (Eds.). Oxford, UK: Oxford University Press, 2014. P. 354–362.
15. Larkina M., Bauer P.J. The Role of Maternal Verbal, Affective, and Behavioral Support in Preschool Children's Independent and Collaborative Autobiographical Memory Reports // Cognitive Development. 2010. № 25(4). P. 309–324.
16. McAdams D.P. The psychology of life stories // Review of General Psychology. Special Issue: Autobiographical Memory. 2001. Vol. 5. P. 100–122.

17. Banks M. V., Salmon K. Reasoning about the self in positive and negative ways: Relationship to psychological functioning in young adulthood // *Memory*. 2013. Vol. 21(1). P. 10–26.
18. Nelson K., Fivush R. The emergence of autobiographical memory: A social cultural developmental theory // *Psychological Review*. 2004. № 111. P. 486–511.
19. Nurkova V. V. Maternal reminiscing style as a predictor of memory source monitoring efficacy // CON AMORE: Center on Autobiographical Memory Research. Perspectives on Autobiographical Memory Development 16–17 June, 2011. Aarhus University, Denmark. P. 21.
20. Pasupathi M., Mansour E., Brubaker J. R. Developing a life story: Constructing relations between self and experience in autobiographical narratives // *Human Development*. 2007. Vol. 50. P. 85–110.
21. Singer J. A., Blagov P. The integrative function of narrative processing: Autobiographical memory, self-defining memories, and the life story of identity // *The self and memory* / D. Beike, J. Lampinen, D. Brend (Eds.). New-York, NY: The Psychology Press, 2004. P. 117–138.
22. Self-defining memories, scripts, and the life story: Narrative identity in personality and psychotherapy / J. A. Singer, P. Blagov, M. Berry, K. M. Oost // *Journal of Personality*. 2013. Vol. 81(6). P. 569–582.
23. Sutin A. R., Robins R. W. Going forward by drawing from the past: personal strivings, personally meaningful memories, and personality traits // *Journal of Personality*. 2008. Vol. 76(3), Jun. P. 631–664.
24. What characterizes life story memories? A diary study of freshmen's first term / D. K. Thomsen, M. H. Olesen, A. Schnieber, T. Jensen, J. Tonnesvang // *Consciousness and Cognition*. 2012. Vol. 21. P. 366–382.
25. Wang Q. Autobiographical Memory and Culture [Электронный ресурс] // *Online Readings in Psychology and Culture*. 2011. Vol. 5(2). Available at: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1047> (Accessed: 04.09.2014).

Self-defined Narratives in Personality Development

Nurkova V. V. *

Moscow Psychological University; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
Nurkova@mail.ru

We examine the role of narrative identity in personality development, which is defined as the ability of realization of the individual project in spite of situational determination. As the structural and functional units of narrative identity we define “self-defined memories” containing self-esteem of the person on significant parameters of self-concept. We expand the process of ontogeny of the self-defined memories through forming dialogues with adults, describe the “developing” and “repeating” communication styles of parents with children according to R. Faivish. It is argued that in terms of the motivation of the parent in the autobiographical interaction with the child, one can differentiate “autoteleo” style, where the narrative creation appears autonomous value for an adult, and “pragmatic” style, where the goal of the adult is to provide specific information. We present the results of the author’s study on 31 mother-child dyads, which revealed a new essential component of parent-child interaction - the special quasi-conflict techniques aimed at increasing the autonomy of the child in the course of the dialogue, and, accordingly, greater individualization on his personality.

Keywords: self-defined memories, narrative identity, autobiographical memory, personality development.

Funding

The study is supported by RFBR, grant № 12-06-33049.

For citation:

Nurkova V. V. Self-defined Narratives in Personality Development. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2014, vol. 19, no. 4, pp. 22–30 (In Russ., abstr. in Engl.).

* Nurkova Veronika Valer'evna. Dr. Sci. (Psychology), Professor, Chair of General Psychology, Moscow Psychological University; Professor, Chair of General Psychology, Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: Nurkova@mail.ru

References

1. Nurkova V. V. Svershennoe prodolzhaetsya: Psikhologiya avtobiograficheskoi pamyati lichnosti [Past continuous: The Psychology of Autobiographical Memory]. Moscow: Publ. URAO, 2000. 320 p.
2. Nurkova V. V. Kul'turno-istoricheskii podkhod k avtobiograficheskoi pamyati: Diss. dokt. psikholog. nauk. [Cultural-historical Approach to Autobiographical Memory. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Moscow, 2009. 661 p.
3. Nurkova V. V., Masolova G. Yu. Kharakteristiki vospominanii o detstve i psikhologicheskii oblik vzroslogo [Elektronnyi resurs] [Memories about Childhood and Adult's Psychological Traits]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2009, no. 4. Available at: http://psyedu.ru/journal/2009/4/Nurkova_Masolova.phtml (Accessed: 16.03.2014). (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Nurkova V. Rasskazyvat' soboi: avtobiograficheskii narativ s pozitsii kul'turno-deyatel'nostnogo podkhoda [Narrate about Oneself, Narrate of Oneself, Narrate by Oneself: Autobiographical Narrative in Cultural-Activity Psychology]. *Razvitie lichnosti* [Development of the personality], 2010, no. 1, pp. 74–92.
5. Alyusheva A. R., Nurkova V. V. Identity formation and autobiographical memory: Two interrelated concepts of development. *World Academy of Science, Engineering and Technology*, 2012. Vol. 66, pp. 285–288.
6. Berntsen D., Rubin D. C. Cultural life scripts structure recall from autobiographical memory. *Memory and Cognition*, 2004. Vol. 32, pp. 427–443.
7. Cleveland E. S., Reese E. Maternal structure and autonomy support in conversations about the past: Contributions to children's autobiographical memory. *Developmental Psychology*, 2005. Vol. 41, no. 2, pp. 376–388.
8. Conway M. A. Memory and the Self. *Journal of Memory and Language*, 2005. Vol. 53, no. 4, pp. 594–628.
9. Conway M. A., Singer J. A., Tagini A. The self and autobiographical memory: Correspondence and coherence. *Social Cognition*, 2004. Vol. 22, pp. 495–537.
10. Fivush R., Haden A. H., Reese E. Elaborating on elaborations: Role of maternal reminiscing style in cognitive and socioemotional development. *Child Development*, 2006. Vol. 77, no. 6, pp. 1568–1588.
11. Habermas T. How to tell a life: The development of the cultural concept of biography across the lifespan. *Journal of Cognition and Development*, 2007. Vol. 8, pp. 1–31.
12. Habermas T., Bluck S. The Life Story Schema. *Motivation and Emotion*, 2000. Vol. 24, no. 2, pp. 121–147.
13. Habermas T., de Silveira C. The development of global coherence in life narratives across adolescence: Temporal, causal, and thematic aspects. *Developmental Psychology*, 2008. Vol. 44, pp. 707–721.
14. Habermas T., Köber C. Autobiographical reasoning is constitutive for narrative identity: The role of the life story for personal continuity. In McLean K. C. (eds.) *The Oxford handbook of identity development*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2014. pp. 354–362.
15. Larkina M., Bauer P. J. The Role of Maternal Verbal, Affective, and Behavioral Support in Preschool Children's Independent and Collaborative Autobiographical Memory Reports. *Cognitive Development*, 2010. Vol. 25, no. 4, pp. 309–324.
16. McAdams D. P. The psychology of life stories. Review of General Psychology. *Special Issue: Autobiographical Memory*, 2001. Vol. 5, pp. 100–122.
17. Banks M. V., Salmon K. Reasoning about the self in positive and negative ways: Relationship to psychological functioning in young adulthood. *Memory*, 2013. 21:1, pp. 10–26.
18. Nelson K., Fivush R. The emergence of autobiographical memory: A social cultural developmental theory. *Psychological Review*, 2004, no. 111, pp. 486–511.
19. Nurkova V. V. Maternal reminiscing style as a predictor of memory source monitoring efficacy. *CON AMORE: Center on Autobiographical Memory Research. Perspectives on Autobiographical Memory Development 16 – 17 June*, 2011 Aarhus University, Denmark, pp. 21.
20. Pasupathi M., Mansour E., Brubaker J. R. Developing a life story: Constructing relations between self and experience in autobiographical narratives. *Human Development*, 2007. Vol. 50, pp. 85–110.
21. Singer J. A., Blagov P. The integrative function of narrative processing: Autobiographical memory, self-defining memories, and the life story of identity. In Beike D. (eds.) *The self and memory*. 2004. New York, NY: The Psychology Press, pp. 117–138.
22. Singer J. A., Blagov P., Berry M., Oost K. M. (eds.) Self-defining memories, scripts, and the life story: Narrative identity in personality and psychotherapy. *Journal of Personality*, 2013. Vol. 81, no. 6, pp. 569–582.
23. Sutin A. R., Robins R. W. Going forward by drawing from the past: personal strivings, personally meaningful memories, and personality traits. *Journal of Personality*, 2008. Jun; 76, no. 3, pp. 631–664.
24. Thomsen D. K., Olesen M. H., Schnieber A., Jensen T. (eds.) What characterizes life story memories? A diary study of freshmen's first term. *Tønnesvang J. Consciousness and Cognition*, 2012. No. 21, pp. 366–382.
25. Wang Q. Autobiographical Memory and Culture [Elektronnyi resurs]. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2011. Vol. 5, no. 2. Available at: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1047> (Accessed: 04.09.2014).